«КУЛЬТУРНЫЙ ИСЛАМ» В ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

С. Ю. Дианина [а]
М. А. Халиль [б]
В. С. Глаголев [а]

[а] Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

[б] Египетский совет по международным делам МИД Египта, 11728, Египет, Каир, Башня Фахер, 2

Поступила в редакцию 31.12.2018 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-8
© Дианина С. Ю., Халиль М. А., Глаголев В. С., 2019

В статье проанализированы позиции «культурного ислама» на территории стран Северной Европы на материале публикаций ведущих печатных медиа.
Контент-анализ профильных публикаций печатных медиа открывает возможность уточнить специфику нарративов, продуцируемых массовым сознанием в связи с присутствием ислама на локальном и региональном уровнях, а также проследить отдельные тенденции оценки таких нарративов в аналитической литературе (научной и популярной). Нарастание тенденций секуляризации, охватывающей исламские сообщества на территории Северной Европы, наряду с изменениями ценностных алгоритмов поведения верующих ведут как к поляризации самого ислама, так и к изменению отношения к нему «извне». Изучение основных факторов динамики данного феномена имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет оценить наиболее перспективные формы взаимодействия в рамках регионального сотрудничества и государственных программ международного партнерства.
Проект «культурного ислама» подается силами, поддерживающими данное движение, как противоядие по отношению к политизированному и радикализированному исламу. Вместе с тем основным фактором, сдерживающим легитимацию «культурного ислама» в сообществах иммигрантов-мусульман Северной Европы (точнее — в «общинах», то есть землячествах, объединенных на основании принадлежности к ареалу распространения ислама), является сравнительная закрытость этих общин и их ориентация на мусульманскую умму. Новизна исследования темы «ислам и культура» в этой среде тесно связана с конкретной целью — выявить степень жизнеспособности «культурного ислама» как феномена общественного сознания, отвечающего двум условиям: необходимости поддержания жесткой установки на сохранность традиции; требованию гибкой адаптации к нехарактерному культурному контексту. В результате анализа полученных данных сделан вывод об усилении позиций «культурного ислама» внутри миграционных сообществ и землячеств в целом, что может считаться практическим вкладом в исследование динамики и механизмов адаптации, аккультурации и, возможно, интеграции представителей ислама и соответствующих социальных групп в социокультурное пространство стран Северной Европы.

Ключевые слова:
«культурный ислам», политический ислам, печатные медиа стран Северной Европы, миграционные сообщества, механизмы аккультурации

Для цитирования: Дианина С. Ю., Халиль М. А., Глаголев В. С. «Культурный ислам» в пространстве Северной Европы // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. С. 142—160. doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-8

Введение

Социокультурный проект, выраженный понятием «культурный ислам», представляет собой одну из нескольких возможных стратегий последовательной аккультурации миграционных сообществ в принимающее общество. Изучение специфических тенденций, характеризующих реальное положение дел с представителями «культурного ислама» в странах Северной Европы, актуально для понимания перспектив развития региона, где приток мигрантов из мусульманских стран играл и продолжает играть заметную роль [1; 2, с. 261]. Объектом исследования в этом случае может считаться не только собственно «положение дел» с исламом, но и те социальные настроения, которые чутко реагируют на любое изменение социокультурной реальности в потенциально конфликтогенной области.

Как известно, многие мусульмане-мигранты живут в Швеции, Норвегии и других государствах Северной Европы уже несколько поколений. Некоторые из них давно натурализовались, то есть приобрели статус полноправных граждан, их дети получили гражданство в результате филиации (по праву рождения). Сохранению традиционного уклада жизни способствует организация исламских сообществ по типу землячеств [3—5]. Именно в рамках общины (землячества) часто решаются не только сугубо вероисповедные, но и социальные вопросы. На фоне современного миграционного кризиса зависимость этой части населения стран Северной Европы от ценностей ислама приобретает особую остроту и актуальность, а проблемы мусульман — их идентичность, перспективы взаимодействия с немусульманским окружением и т.д.— представляют собой исследовательскую область, чрезвычайно важную для понимания социальной динамики региона в целом. Вопрос о том, каким именно образом трансформируются (и трансформируются ли) ценности, объединяющие этих людей, является насущным хотя бы потому, что ислам изначально позиционирует себя как холистическая религия. Тем самым закладывается основа для неоднозначных интерпретаций его роли в жизни секулярных обществ.

Цель данного исследования — выяснить, насколько мусульманские сообщества стран Северной Европы готовы к реализации проекта «культурного ислама», стремящегося преодолеть «дихотомию веры и безверия» [6, с. 11]. Объектом изучения, таким образом, становится динамика распространения «культурного ислама» как феномена, а также степень принятия самого концепта «культурный ислам» в общественном сознании жителей региона (как мусульман, так и немусульман). Последнее возможно оценить, обратившись к анализу конкретных материалов ведущих газет, по сей день представляющих собой для жителей региона основной источник получения официальной информации. Этот подход позволяет проследить ряд сравнительно новых тенденций, содержащих скрытые противоречия. Речь идет как о противоречиях внутри мусульманских общин, так и о дисбалансах между этими общинами и остальными гражданами. Что, в свою очередь, открывает возможность поставить вопрос о наличии социокультурного сегмента «секуляризирующихся мусульман», а также выявить наиболее распространенные аспекты модификации религиозности мусульман в условиях немусульманского (западного) окружения.

Исходной гипотезой исследования является предположение о стремлении властей и граждан-немусульман поддержать проект «культурного ислама» в качестве альтернативы традиционному исламу. Последний нередко представляется рядовым гражданам принимающих обществ как носитель идей радикализма и рассадник терроризма. С другой стороны, можно предположить, что в среде мусульман стран Северной Европы в целом и мигрантов-мусульман в частности данный проект в силу ряда причин не находит широкой поддержки — по крайней мере на уровне откровенно декларируемой позиции.

Обзор литературы. История понятия «культурный ислам»

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляют аналитические работы по двум основным направлениям. Прежде всего, это публикации, интерпретирующие само понятие «культурный ислам», недостаточно раскрытое в научной литературе. Во-вторых, при изучении позиций «культурного ислама» в странах Северной Европы важно учитывать исследования процессов, связанных с недавним миграционным кризисом. И, как следствие, интенсификацию общественных дискуссий на эту тему.

В рамках изучения последнего вопроса необходимо учитывать результаты научных изысканий по проблеме ценностных матриц общественного сознания. Особое значение имеет тематика мусульманско-христианского диалога в Северной Европе [1; 7—10 и др.]. Отдельного внимания заслуживает анализ деятельности миграционных сообществ, форм их адаптации к культуре принимающих обществ, например работы Т. Г. Эша «Ислам в Европе», Д. Миллера «Иммигранты, нации и гражданство», И. С. Семененко «Мусульмане в ЕС и России» и «Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах», глава о мусульманах Запада в книге А. В. Малашенко «Исламская альтернатива и исламистский проект» и др. Среди трудов, посвященных отдельным аспектам интеграции в странах Скандинавии, следует выделить исследования Р. Андреассена, Х. Бреннера, М. Беннульфа, У. Брюне и др.

Изучению специфики современного ислама и его роли в Европе посвящен ряд сравнительно недавних публикаций отечественных ученых, например С. М. Хенкина и И. В. Кудряшовой «Интеграция мусульман в Европе: политический аспект» [11], В. Г. Барановского и В. В. Наумкина «“Мир веры” vs “мир неверия”: экспансия и редукция религиозности» [6]. Тема политических конверсий, являющихся следствием миграционного перераспределения групповых предпочтений (правда, на материалах совершенно другого региона Европы), удачно раскрыта в статье Н. Н. Большовой [12]. Исследование возможностей и границ религиозного многообразия в связи с проблемой гармонизации законодательства стран ЕС предпринято И. Н. Молодиковой, Л. Л. Емельяновой и А. Я. Лялиной [13, с. 64].

Для того чтобы правильно интерпретировать процессы, связанные с исламом, необходимо обратиться к трактовке термина «культурный ислам» в современной арабской мысли и в западной научной литературе Например, отметим известного марокканского философа и писателя Бенсалема Хаммиша, выпустившего в 2016 году книгу под названием «О культурном исламе» [14].

Что касается западной научной литературы, то буквальная калька понятия «культурный ислам» (Cultural Islam) здесь отсутствует. Зато имеет место употребление термина «культурный мусульманин/мусульманка» (Cultural Muslim). С его помощью обозначают светского (нерелигиозного) человека, который, имея мусульманское происхождение (то есть живя в немусульманской стране), все еще отождествляет себя с мусульманской культурой или религией, хотя не является практикующим мусульманином. По мнению австралийского исследователя Миляда Милани, категория «культурный мусульманин» свидетельствует не просто о культурном разнообразии в области веры, но определяется «расколдовыванием религиозного института» [15].

Авторы книги «География мусульманских идентичностей», впервые изданной в США в 1988 году и переизданной в последний раз в 2016 году, сообщают, что с термином «культурный мусульманин» они впервые столкнулись в Центральной Азии и других странах социалистического лагеря [16]. Таким образом, именно Россия дает один из наиболее «старых» и ярких примеров «культурного ислама», ведь еще со времен атеистического СССР многие выходцы из традиционных мусульманских семей сохраняли память о своих корнях и идентифицировали себя по религиозному признаку, оставаясь при этом неверующим людьми, для которых ис-

лам был фактором их повседневной культуры. Подобная картина характерна и для современного российского общества, где религия является частью культурной идентификации: согласно опросам, большинство россиян считает религию скорее «национальной традицией, верой предков» (39%), «следованием моральным и нравственным нормам» (26%) или «частью мировой культуры и истории» (21%) [17, с. 81], нежели вероисповедной или культовой практикой.

Можно предположить, что термин «культурный ислам» возник по аналогии с термином «культурный христианин» (или «культурный иудей»), распространенном в западном гуманитарном дискурсе конца XX — начала XXI века (впервые понятие «Cultural Christian» появляется еще в середине XIX века в работах историка Генри Мильмана). Под культурным христианином принято понимать человека, живущего в номинально христианском обществе и при этом отвернувшегося от христианской веры, а также того, кто воспитывается без учета христианского вероисповедания [18]. Так, известный английский биолог и убежденный атеист Ричард Докинз неоднократно называл себя «культурным христианином» [19] (здесь примечательно знаменитое высказывание С. П. Капицы: «Я русский православный атеист»).

Аккультурация как площадка «культурного ислама»: особенности Северной Европы

Одно из наиболее релевантных описаний различных стратегий аккультурации принадлежит Джону Берри, специалисту в области кросс-культурной психологии. Он выделяет четыре вида таких стратегий: 1) ассимиляция, в ходе которой индивидуумы не желают поддерживать собственную культурную идентичность и стараются как можно больше общаться с представителями иных культур; 2) отделение, при котором индивидуум высоко оценивает принадлежность к собственной культуре и старается избегать взаимодействия с другими; 3) интеграция, предполагающая наличие интереса как к поддержанию собственной культуры, так и к повседневному общению с другими группами; 4) маргинализация, означающая низкий уровень интереса к поддержанию отношений с другими [20, p. 199]. Очевидно, что включение индивидуума в процесс секуляризации и формирование «культурного мусульманина/мусульманки» могут происходить только в двух из четырех случаев: либо путем интеграции, либо путем ассимиляции (поскольку в случае отделения или маргинализации индивид предпочитает оставаться наглухо «закрытым» от принимающего общества, то есть вероятность того, что он в силу внешних причин порвет с собственной религиозно-культурной традицией, ничтожно мала).

Выявление степени личной религиозности иммигрантов-мусульман Северной Европы — задача, сопряженная со многими трудностями. Прежде всего потому, что сохранение декларативной принадлежности к исламу важно не только для сохранения групповой солидарности, но и безопасности («убийства чести»). Напомним: ислам не предполагает возможности перехода в другое вероисповедание (ридда или иртидад). Таким образом, «культурный ислам» для иммигрантов мусульман Северной Европы, вне зависимости от реального уровня их личной религиозности, остается едва ли не единственной стратегией реализации таких типов аккультурации, как интеграция и ассимиляция.

Следующим вопросом, без ответа на который невозможно понять границы распространения понятия «культурный ислам», будет вопрос о принципиально разном видении этого феномена с точки зрения западного секулярного сознания и традиционного мусульманского. Расширительное употребление термина «культура», почти совпадающее с понятием «образ жизни», в этом случае позволяет уйти от однозначных секулярных коннотаций, что и происходит в принятой на Западе научной лексике [21]. Особенности североевропейской каузальной атрибуции предполагают

видение «культурных мусульман» как людей, которые пусть и активно интегрируются в местные светские общества, тем не менее остаются мусульманами. Ведь они по-прежнему носят мусульманские имена и фамилии и идентифицируют себя как мусульмане (последнего подчас достаточно, чтобы развеять сомнения; трудно представить, чтобы современный европеец идентифицировал себя по религиозному признаку, являясь нерелигиозным светским человеком). В то же время с позиции традиционного ислама «культурные мусульмане», низведшие священную веру своих отцов и последнее божественное откровение человечеству до уровня формальной идентификации, будут однозначно классифицироваться как вероотступники — муртады, совершившие предательство в отношении священных истин, считающееся одним из наиболее тяжелых форм куфра (безбожия). В результате «культурные мусульмане» оказываются в компромиссной точке «недопринятия» новым секулярным социумом и осуждения старым сообществом религиозных традиционалистов.

Методология

При выборе методологии изучения процессов, характеризующих положение «культурного ислама» в странах Северной Европы, исследователь, как уже отмечалось, сталкивается с трудностью получения достоверной информации. Методы «прямого» сбора данных через анкетирование или статистики посещения мечетей могут дать неверное представление о реальном положении дел в силу публичности подобных мероприятий и страха «культурных мусульман» быть изгнанными из общины.

Одной из перспективных стратегий, преодолевающих эту трудность, можно считать глубинное интервью и *life story*. Однако за неимением возможности опросить достаточно большое число информантов авторы данного исследования выбрали альтернативный путь — путь обработки сведений средств массовой информации стран Северной Европы с точки зрения частотности употребления ими термина «культурный ислам», сочетания понятий «ислам» и «культура», а также ряда *case study*, отражающих спектр проблем, связанных с адаптацией ислама к социокультурным условиям государств Северной Европы. Изучение материалов массмедиа в этом случае дополнялось обращением к серьезным аналитическим исследованиям неправительственных организаций и научным работам, поднимающим вопросы роли ислама как образа жизни и аккультурации мусульман.

Интерпретация полученных результатов потребовала осторожности, поскольку граница между идеологическим употреблением связки понятий «ислам и культура» и добросовестной попыткой отражения реального положения дел остается достаточно расплывчатой. Вместе с тем последовательно проведенный *контент-анализ* позволил снять часть вопросов к ограниченности выборки, а фальсификация посредством приведения контрпримеров — ограничить тенденцию к экстраполяции отдельных результатов на весь регион.

Результаты

Портрет Северной Европы — общеэкономический, политический, социальный и культурный — в настоящий момент складывается из ряда противоречий, конфликтов и неоднозначных тенденций. Прежде всего это связано с ростом темпов миграции в североевропейские государства, правительственным кризисом (Швеция), укреплением в регионе политических позиций правых и популистских сил. Наряду с политической нестабильностью определенный фон социальным настроениям задают санкционная политика ЕС, оказывающая влияние на внутренний рынок труда, и дебаты о перспективе вступления Швеции в НАТО. Все эти факторы не прибавляют стабильности региону, который стремительно трансформируется.

Столкновение реалий: махр, развод, многоженство

Необходимо отметить, что видимое единство последователей исламской религии в странах Северной Европы на деле не является однородным. Помимо разделения на два основных течения (сунниты и шииты) здесь, как и во всем исламской мире, существуют другие виды делений. Соответственно, количественное распределение представителей различных течений ислама в странах Северной Европы неравномерно. Это, в свою очередь, создает дополнительные векторы в процессе интеграции в социокультурное пространство региона. Бытовые и культурные взгляды мусульман часто разнятся не только внутри общины, но и имеют мощную социальную и политическую проекции. Так, например, шведские юристы столкнулись с проблемой регулирования национальным правом такого исламского понятия, как *махр* — так в исламском семейном праве называется имущество, которое супруг выделяет женщине при заключении брака. Это понятие, как и соответствующие правовые нормы, традиционные для мусульман, в современном обществе стран Северной Европы просто отсутствует. Еще одно различие: в законодательстве большинства европейских стран развод — это абсолютное право, которым супруги могут воспользоваться без объяснения причин и без инициирования затратных бракоразводных процессов. Но если суд (возьмем в качестве примера шведский) одобряет развод супругов-мусульман, это не означает, что они разведены по мусульманским законам. Некоторые исламские толкования ограничивают право женщин на развод, и исламские *конгрегации* (сообщества) в Швеции, которые поддерживают такие толкования, отказываются содействовать разводу между супругами. Это провоцирует возникновение парадоксальной ситуации, когда супруги разведены по шведскому законодательству, но еще женаты в соответствии с исламским правом. После получения подобного непризнанного исламом развода и заключения нового брака женщине, вернувшейся в Пакистан, может грозить смертная казнь: последний по времени брак может стать в буквальном смысле последним, поскольку будет рассматриваться как внебрачные отношения, за которые в этой исламской стране полагается высшая мера наказания. Сходные парадоксы и трудности их урегулирования имеют место не только в Пакистане, но и в Саудовской Аравии, и в Ираке. В настоящее время проблема может быть решена с помощью подписания сторонами брачных контрактов, составление и заключение которых возможно в исламских общинах. Подобные соглашения содержат оговорку, которая дает жене право развестись, и тогда это совместимо с исламским правом[1].

Еще одна проблема частного права законодательства североевропейских стран — многоженство представителей исламской религии. Швеция официально признает браки многоженцев, заключенные за рубежом, в этом отношении ее можно назвать одной из самых прогрессивных стран среди государств региона. По данным шведской налоговой службы, из 169 семей, состоящих в полигамном браке в Швеции, лишь 38 живет более чем с одним партнером (данные на январь 2018 года)[2]. Это может быть связано с тем, что семья разделилась, и остальные ее члены не проживают в Швеции.

Для примера можно сравнить общее количество выданных документов, подтверждающих право на долгосрочное пребывание в Швеции, с их же числом, выданным представителям четырех стран с высоким уровнем мусульманской религиозной принадлежности (Сомали, Афганистан, Сирия, Эритрея) (рис. 1).

---

[1] *Sayed M.* Svensk och islamisk familjerätt — en jämförelse. Juridisk publikation: vid Stockholms universitet, 2017. Sid. 201—234.

[2] *Skatteverket*, 'Månggifte ifolkbokföringsregistret', Dnr 204 402092—17/13, januari.URL: https://www.skatteverket.se/download/18.4a4d586616058d860bc7b3a/1516808177859/M%C3%A5nggifte+i+folkbokf%C3%B6ringsregistret+204+402+092+-+17+113.pdf (дата обращения: 03.12.2018).

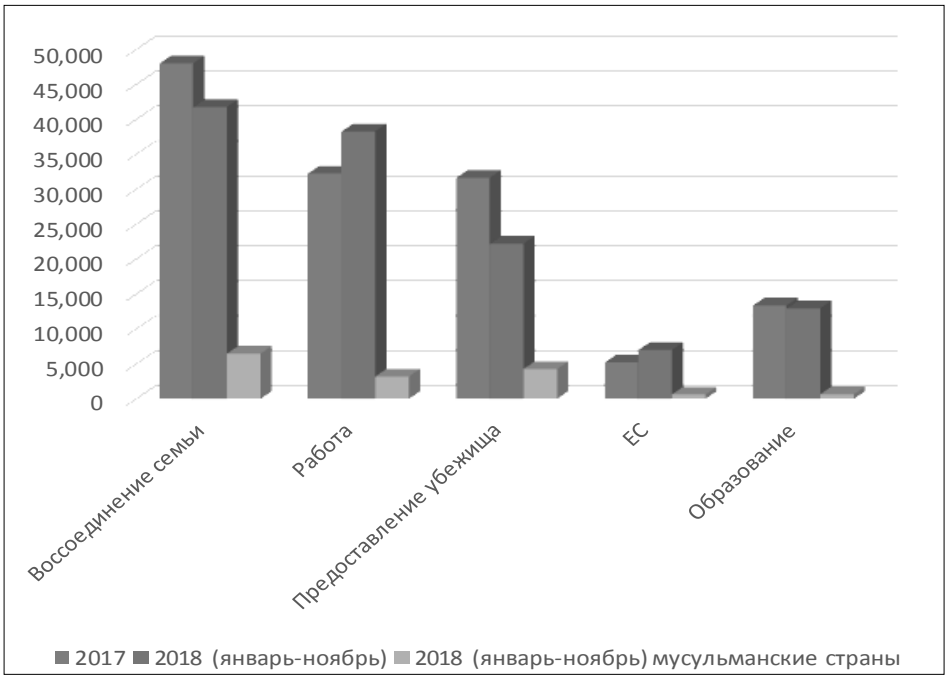

Рис. 1. Сравнение количества документов о выдаче вида на жительство в Швеции, 2017/ 2018 год (январь — ноябрь)[3]

Несмотря на то, что корреляция законодательств североевропейских и исламских стран имеет много «камней преткновения», нельзя отрицать, что процесс двустороннего взаимодействия здесь постепенно продвигается. Другой вопрос, что каждый урегулированный момент влечет за собой массу новых противоречий и трудностей: нарушение прав и свобод личности, принципа равного обращения и отсутствия дискриминации, вопрос воспитания детей в полигамных браках. Свою лепту в усиление противоречий вносит развитая в странах Северной Европы ювенальная юстиция, нередко входящая в конфликт с законами исламского воспитания.

Частные случаи столкновений культур: ёлка, концерт

Стремительный прирост мусульманского населения в скандинавских странах подвергает общество и его повседневную реальность специфическим трансформациям. Многие помнят случившееся в 2012 году в г. Коккедале столкновение принципов европейской культуры с реакцией отдельных мусульманских деятелей, когда администрация этого датского города решила не устанавливать рождественскую елку — главный символ праздника — на главной площади по причине того, что пятеро из девяти членов муниципалитета города, мусульмане, заявили о нецелесообразности расходования семи тысяч крон (около 750 евро), назвав свое решение «итогом голосования»[4]. Подобные ситуации имели место не единожды. Однако трудность заключается в том, чтобы отделить реальные конфликты от тех, которые обществу пытаются навязать правопопулистские средства массовой коммуникации.

[3] *Migrationsverket*. URL: https://www. migrationsverket.se/English/Startpage.html (дата обращения: 06.05.2019).

[4] *How* one local decision created a national ‘War on Christmas’ // The Copenhagen Post. 2012. URL: http://cphpost.dk/news/national/how-one-local-decision-created-a-national-war-on-christmas.html (дата обращения: 02.12.2018).

Так, 9 октября 2018 года в региональном разделе Оребру на сайте национального телевидения Швеции SVT было размещено сообщение, в котором исполнительный продюсер телеканала TV4 заявила, что традиционный рождественский концерт, транслируемый на протяжении нескольких последних лет, отменен. Многие международные правопопулистские медиа распространили это сообщение, указав в качестве основной причины «давление со стороны мусульманского сообщества». «Вероятно, это еще один пример того, что шведские традиции пресекаются, чтобы не раздражать мигрантов, которые не являются христианами»[5], — комментирует произошедшее некая Эмма Р. на голландском сайте «Голос Европы» с возможностью оставлять анонимные комментарии. Как ранее отмечала шведская газета *Dagens Nyheter*, на сайте «Голос Европы» было размещено более 30 000 различных комментариев на эту тему, и заявления подобного рода были в большинстве. Сами же представители SVT и TV4 неоднократно пытались донести до широкой общественности информацию о том, что отмена трансляции имеет временный характер (возможно, сроком не более чем на один год) и связана не с «происками врагов», а с прозаическим недостатком финансирования.

Традиции ислама в европейской культуре: парадоксы выбора

Один из «побочных эффектов» миграции — привнесение иммигрантами в общество принимающей стороны традиций, связанных со своеобразием исходного жизненного опыта, спецификой религиозных представлений, принятых в конкретной социокультурной среде. Эти *культурные конструкты* являются исторически конкретными вариантами интерпретации религиозных установок. Однако своими носителями они воспринимаются в качестве «единственно верных», базовых. Несоизмеримость отдельных положений ислама с общекультурным контекстом принимающего общества — только одна сторона ценностных противоречий исламской культуры как социального феномена. При сравнительно высокой степени свободы выбора конкретных вероисповедных практик (что характерно для ислама и составляет, возможно, некий внеэкономический фон, определяющий привлекательность Северной Европы для мусульман) разнообразие интерпретаций ислама *внутри* гетерогенных по своему составу исламских общин составляет другую сторону аксиологических противоречий, усиливая поле возможных ценностных (и не только) конфликтов.

Данные, полученные в процессе изучения этого вопроса, показывают, что в страны Северной Европы нередко попадают люди, покинувшие родину как раз по причине своего несогласия с исламскими правилами, нормами или законами, господствующими на ее территории. Так, по статистике на 2016 год, только 32 % иранцев в Норвегии остаются мусульманами, тогда как мусульмане-выходцы из Сомали составляют 98 %[6]. В Обзоре условий жизни иммигрантов (*Levekårsundersøkelsen blant personer med innvandrerbakgrunn)* в 2016 году в Норвегии утвердительно ответили на вопрос, являются ли они последователями именно исламской религии, только 80 % мусульман. По оценкам исследователей, эта цифра соответствует 200 тысячам человек (из 250 тысяч выходцев из мусульманских стран, проживающих в Норвегии). Согласно исследованию норвежского правительственного учреждения, которое отвечает за осуществление государственной политики в отношении беженцев и интеграции, религия играет меньшую роль для иммигрантов с более

[5] *Islam* inte orsaken bakom inställd julkonsert i TV 4. URL: https://www.dn.se/nyheter/politik/islam-inte-orsaken-bakom-installd-julkonsert-i-tv4/?forceScript=1&variantType=ADBLOCKER (дата обращения: 02.12.2018).

[6] *Amundsen B*. Hvor mange muslimer er det i Norge i 2017. URL: https://forskning.no/religion-samfunn-samfunnskunnskap/2017/11/hvor-mange-muslimer-er-det-i-norge-i-2017 (дата обращения: 02.12.2018).

чем тридцатилетним проживанием в Норвегии, чем для тех, кто находится в стране менее десяти лет[7]. Мусульмане, родившиеся в странах Северной Европы, так же менее строго относятся к религиозным обычаям и нормам[8].

Совместимы ли ценности ислама с ценностями традиционного норвежского общества?

В случае именно с исламом скептицизма в этом вопросе больше, чем относительно любой другой религии. В то же время наблюдается существенное различие между, с одной стороны, иммигрантами из мусульманских стран и детьми иммигрантов, рожденных в Норвегии, и иммигрантами из немусульманских стран и населением в целом — с другой. В последней группе больше людей, которые полагают, что исламские ценности несовместимы с ценностями принимающего общества; в то время как в первой, где большинство — мусульмане, существует тенденция к тому, чтобы «базовые ценности» обеих сторон имели большее сходство (рис. 2). С помощью подобной интерпретации основ собственной религии представители молодого поколения мусульман могут дистанцироваться от некоторых религиозных обычаев, которые считают неприемлемыми, оправдывая собственные предпочтения культурными расхождениями в исламе, которые перекрываются общегражданскими ценностями.

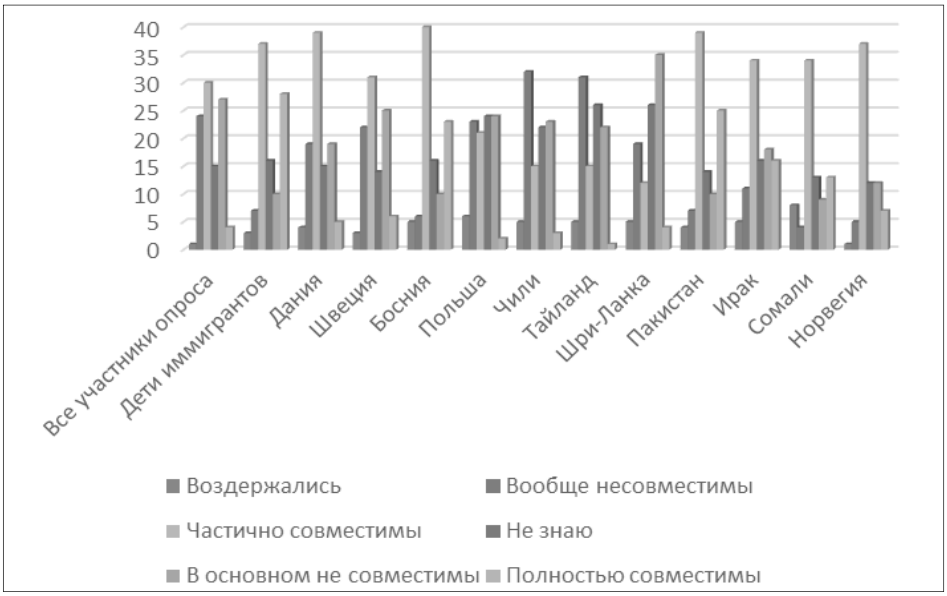

Рис. 2. Совместимость ценностей ислама с основными ценностями норвежского общества [22]

Примечание: N = 1364 (все принявшие участие в исследовании), 256 (дети иммигрантов), 264 (Дания), 248 (Швеция), 362 (Босния), 348 (Польша), 321 (Чили), 357 (Таиланд), 211 (Шри Ланка), 278 (Пакистан), 367 (Ирак), 228 (Сомали), 74 Норвегия.

[7] *Slettholm A., Stokke O.* De fleste norske muslimer er ikke så religiøse. URL: https://www.aftenposten.no/norge/i/LlK9/--De-fleste-norske-muslimer-er-ikke-sa-religiose (дата обращения: 02.12.2018).

[8] *Bustad O.* Synen på islam inom den svenska religionsundervisningen — med utgångspunkt ifrån andra generationens muslimer. URL: http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:1113560/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 02.12.2018).

Статистика

Исследовательский проект *World values survey*, проводя регулярный мониторинг роли религии в жизни населения различных стран в 2010—2014 годах, получил данные, согласно которым 49 % населения Земли считают, что религия «очень важна» в их жизни, 22 % — достаточно важна. Безусловно, локальные различия зачастую имеют огромный разрыв: 14 % для Швеции и 98 % для Сомали. При этом группа атеистов Швеции возросла с 6 % в 1980—1990-х годах до 15 % в 2000-е годы. Правда, сходная ситуация выявлена также исследователями в Австралии, Испании и Германии[9].

В 2017 году профессор Дэвид Чурфель (*Södertörns högskola*) провел исследование, демонстрирующее *отношение населения Швеции к религии*. Он провел социологический опрос среди ста человек и получил следующий результат: 80 % опрошенных перестали посещать церковь, но при этом добровольно уплачивали ежегодно несколько тысяч крон в качестве церковного налога и отмечали такие праздники, как Пасха и Рождество. То есть религиозная принадлежность за счет членства в шведской церкви является высокой, но при этом религиозная активность на всех уровнях достаточно низкая: только 23 % шведов заявили, что верят в Бога. Исследователем также был задан вопрос о степени принадлежности к христианству, исламу, иудаизму, индуизму и буддизму. Из респондентов 24 % ответили, что чувствуют сильную или довольно сильную степень принадлежности к христианской религии. Для других религиозных направлений эта цифра составила лишь около трех процентов. Одна треть ответила, что совершенно не чувствует такой принадлежности[10].

Датский ученый Суне Лээгард, изучающий философию и религию, заявляет, что «секуляризм — это не атеизм» [23]. По его мнению, атеизм это отсутствие оснований верить в Бога, в то время как секуляризм — точка «разделения» политики и религии, невмешательство религии в политические конфликты, что не означает второстепенную роль религии и ее малозначимость.

И все же еще раз отметим, что общества *стран Северной Европы в целом имеют очень высокий уровень секуляризации*. Это подтверждает, в частности, исследование, опубликованное в 2018 году международным онлайн-изданием *Salon*: в списке самых атеистических стран, по данным на 2017 год, Дания, Швеция и Норвегия заняли соответственно второе, третье и шестое места[11]. Подобную ситуацию сегодня принято объяснять быстрым техническим и экономическим развитием, а также влиянием информационных технологий, способствующих росту числа сомневающихся в религиозных ценностях[12]. Однако согласно статистическим данным *World Values Survey* за 2012 год каждый пятый швед считает, что Бог играет для него значительную роль, а каждый третий — что религия важна[13]. Прежде всего это касается христианства, но является релевантным и по отношению к европейскому исламу.

---

[9] *Höjer H.* Tro inte att religionen minskar. URL: https://fof.se/tidning/2016/7/artikel/tro-inte-att-religionen-minskar (дата обращения: 01.12.2018).

[10] *Nylander L.* Svenskarna tror — men inte på Gud. URL: https://www.forskning.se/2017/04/12/svenskarna-tror-men-inte-pa-gud/ (дата обращения: 02.12.2018).

[11] *Marcotte A.* The 8 most atheist-friendly countries in the world. URL: https://www.salon.com/2015/08/17/the_8_most_atheist_friendly_countries_in_the_world/ (дата обращения: 21.12.2018)

[12] *Bustad O.* Synen på islam inom den svenska religionsundervisningen — med utgångspunkt ifrån andra generationens muslimer. URL: http://www. diva-portal. se/smash/get/diva2:1113560/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 02.12.2018).

[13] *Bustad O.* Synen på islam inom den svenska religionsundervisningen — med utgångspunkt ifrån andra generationens muslimer. URL: http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:1113560/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 02.12.2018).

Сложность заключается еще и в том, что многие иммигранты, выбирающие для длительного и постоянного проживания страны Северной Европы, прибывают из государств с гораздо более выраженной религиозной составляющей повседневной жизни. Если сравнить значение религии в жизни общества в Дании и Пакистане (рис. 3), то можно сделать вывод, что компромисс здесь вряд ли возможен.

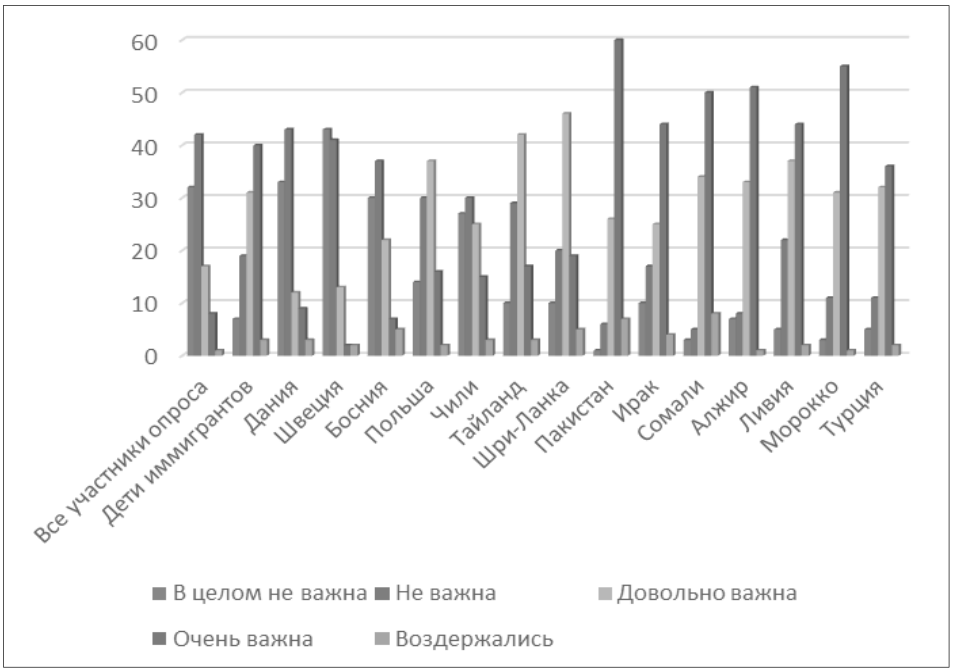

Рис. 3. Роль религии в жизни, по странам [22]

Примечание: N = 1290 (все принявшие участие в исследовании), 256 (дети иммигрантов), 264 (Дания), 248 (Швеция), 362 (Босния), 348 (Польша), 321 (Чили), 357 (Таиланд), 211 (Шри Ланка), 278 (Пакистан), 367 (Ирак), 228 (Сомали), 287 (Алжир), 214 (Ливия), 321 (Марокко), 298 (Турция)

В свою очередь, согласно исследованию американского аналитического центра *Pew Research Center*, предоставляющего информацию по социальным вопросам, общественному мнению и демографическим тенденциям, четыре страны Северной Европы — Швеция, Норвегия, Дания и Финляндия — окажутся среди первых пятнадцати стран в рейтинге государств с наиболее обширной долей мусульманского населения к 2050 году. По мнению исследователей, на фоне ряда прогнозируемых условий эти страны займут соответственно шестое, десятое, двенадцатое и тринадцатое места[14].

Материалы массмедиа

Исследование материалов крупнейшей шведской ежедневной газеты *Dagens Nyheter* (онлайн-версия) в период с 1 января по 1 декабря 2018 года показало, что всего в релевантном поиске по слову «ислам» было найдено 195 статей, из которых

[14] *Sörbring K.* Omstridd studie: Kan bli 30 procent muslimer i Sverige. URL: https://www.expressen. se/nyheter/omstridd-studie-kan-bli-30-procent-muslimer-i-sverige/ (дата обращения: 20.12.2018).

13 были посвящены вопросам миграции и ассимиляции, 22 — участию мусульман в террористических организациях и организованной преступности, 52 — политическим проблемам и по 64 в обеих категориях — проявлениям исламофобии и культурной/религиозной тематике. Как видно из приведенной оценки, негативные коннотации имеют заметный вес, хотя и не преобладают над ценностно-нейтральной аналитикой и размышлениями о позитивных сценариях развития сюжетов, связанных с исламом.

Всего в 2017 году массмедиа Швеции опубликовали 64 000 различных материалов, связанных с исламом или его представителями. В среднем это около 175 материалов в день. Если говорить о пяти крупнейших газетах Швеции (*Dagens Nyheter*, *Expressen*, *Sydsvenskan*, *Svenska Dagbladet*, *Aftonbladet*), то термин «исламофобия» присутствует в 187 статьях, 11 (5,9 %) из которых написаны мусульманами, причем риторика 7 статей (из этих 11) направлена против развития исламофобии (то есть имеет место осознанная борьба журналистов с негативными оценками ислама как образа жизни). Таким образом, можно констатировать, что подавляющее большинство статей об исламе (около 96 %, или 176 статей) написаны людьми, не идентифицируемыми в качестве мусульман; их авторы не видят проблемы исламофобии либо не считают нужным выносить эту тему на всеобщее обсуждение (рис. 4).

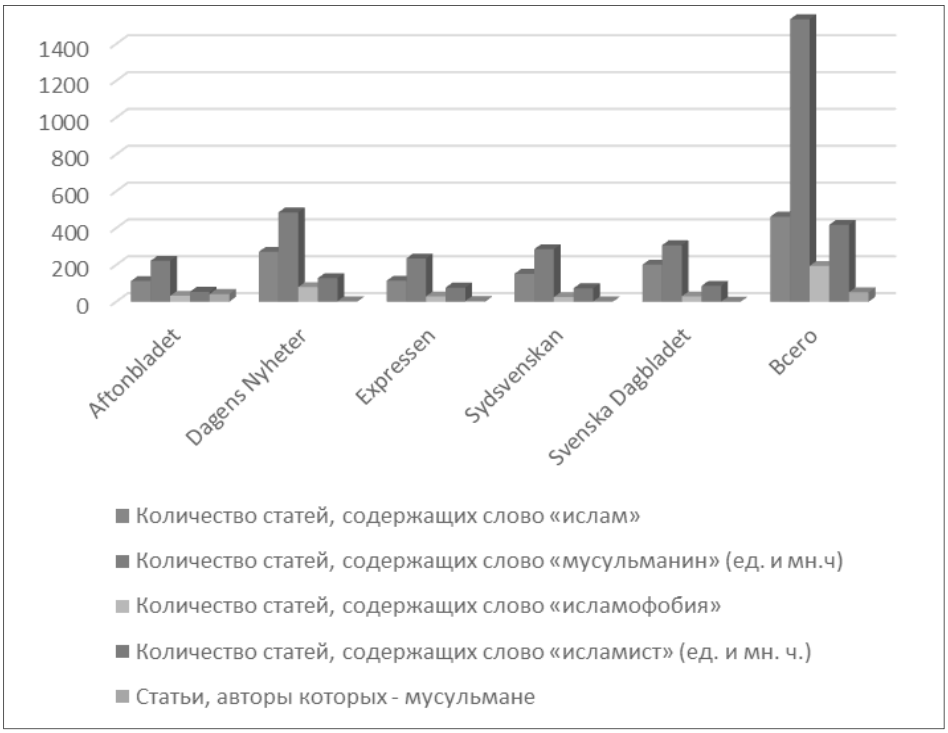

Рис. 4. Ведущие газеты Швеции (2017) [24]

Массовая печать активно публикует ссылки на исследования различных неправительственных организаций, изучающих положение ислама в мире.

Так, директорат по вопросам интеграции и разнообразия Норвегии (*Integrerings- og mangfoldsdirektoratet* (*IMDi*)) в 2015 году провел среди восьми стран с самыми крупными группами иммигрантов-мусульман (Босния, Польша, Чили, Тайланд, Шри Ланка, Пакистан, Ирак, Сомали) исследование под названием «Интеграционный барометр» (*Integreringsbarometer*). На вопрос, насколько важна для них рели-

гиозная свобода, иммигранты из мусульманских стран дали по преимуществу ответ «очень важна», среди иммигрантов из Сомали и Пакистана чуть более половины ответили так же, в то время как восемь из десяти мусульман из Ирака ответили «довольно важна». Среди иммигрантов, представляющих Швецию, ответ «очень важна» дали менее 50 %[15].

По данным на 2018 год *в финском обществе* взгляд на мусульманскую религию и ее представителей является наиболее жестким — 62 % финнов полагают, что ислам принципиально несовместим с принимающей (в данном случае финской) культурой и ее ценностями (на втором месте располагается Италия — 53 %). При этом более четверти (28 %) финнов отметили, что не готовы видеть пророка Мухаммеда в качестве члена своей семьи; 14 % не приемлют его в качестве своего соседа. Из этой финской модели, по данным американского аналитического центра *Pew Research Centre*, все же есть исключения, и это христиане: лишь один из пяти человек, посещающих христианскую церковь, предпочитает сократить иммиграцию (19 %) по сравнению с более крупными долями среди неаффилированных взрослых (33 %) и непрактикующих христиан (37 %)[16]. В Финляндии 32 % населения считают себя неверующими (2015)[17].

Что касается *финских молодых мусульман*, у многих из них не самые простые отношения с культурой и религией страны их родителей. Мусульманам второго поколения, в отличие от их родителей, чаще свойственна двойная идентичность — они идентифицируют себя в качестве финнов, когда выезжают за границу, но чувствуют себя иностранцами в Финляндии. В материалах недавно защищенной в Финляндии диссертации в области изучения религии названы черты характера, объединяющие Финляндию с исламским миром: это скромность, честность, надежность; некоторые гигиенические обычаи (например, посещение сауны). Молодые представители исламской религии, участвовавшие в исследовании, считали, что существует только один «истинный» ислам, общий для всех его приверженцев в мире, не оставляющий места для национальных или этнических религиозных различий. В таком случае, по их мнению, традиции, характерные для определенного географического региона или этнической группы, фактически подпадают в сферу «культура», а не «религия»[18].

Что сами мусульмане думают о культурном исламе?

Ханна Гадбан, мусульманка, участник общественных дебатов и журналист шведской газеты *Svenska Dagbladet*, полагает, что подобная реформация ислама в странах Северной Европы необходима не в послzеднюю очередь «из-за усиления

[15] *Slettholm A., Stokke O.* De fleste norske muslimer er ikke så religiøse. URL: https://www.aftenposten.no/norge/i/LlK9/--De-fleste-norske-muslimer-er-ikke-sa-religiose (дата обращения: 02.12.2018).

[16] *Teivainen A.* Most Finns view that Islam is incompatible with Finnish culture and values, finds survey. URL: http://www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/domestic/15575-most-finns-view-that-islam-is-incompatible-with-finnish-culture-and-values-finds-survey. html (дата обращения: 12.12.2018).

[17] *Granroth A.* Vi tror i smyg. URL: https://svenska. yle. fi/artikel/2015/04/14/vi-tror-i-smyg (дата обращения: 20.12.2018).

[18] *Rautio P.* Religious and national identity of young Finnish Muslims varies by situation. URL: https://www.helsinki.fi/en/news/language-culture/religious-and-national-identity-of-young-finnish-muslims-varies-by-situation (дата обращения: 21.12.2018).

радикализации среди молодых людей, которые живут в каком-то параллельном обществе, даже в Швеции»[19]. Рациональность, нравственность, справедливость, смирение и другие хорошие качества, которые пропагандирует ислам, заменяются среди этих радикалов ненавистью, мщением и презрением ко всему и всем тем, кто не охвачен фундаменталистским мировоззрением. Подобная пропаганда помогла привлечь некоторых молодых шведов к исламистским группам, таким как Аль-Нусра и ИГИЛ (Исламское государство в Ираке и Сирии)[20], целью которых является борьба с неверными и мученичество во имя веры (шахиды). Однако под предлогом реализации утопической по сути мечты об идеальном государстве, воплотившем в жизнь идею тождества закона и правовой системы, здесь транслируются антигуманные, бессмысленные в своей жестокости призывы к уничтожению культуры как всего того, что не отвечает представлениям этой узкой группировки. Особенно возмущает упомянутого мусульманского журналиста тот факт, что вследствие эпизодического успеха подобной пропаганды мусульмане Швеции могут ассоциироваться с исламистами и их организациями, что не соответствует действительности. С другой стороны, такие ассоциации могут подогревать тенденции радикализации среди молодых шведов, для которых религиозная свобода может обернуться псевдорелигиозной вседозволенностью.

Имамы из-за рубежа

Большинство скандинавских исламских организаций приглашают своих имамов из-за рубежа, исключением часто являются финские татары, которые традиционно приглашают имамов со своей прежней родины. Это часто означает, что имам, прибывший в совершенно новую для него страну, не имеет достаточного представления о содержании внутреннего законодательства и об общественных делах страны. В связи с этим шведские, норвежские и нетатарские финские мусульмане выразили желание и обозначили потребность в национальном образовании для имамов. Правительством стран Северной Европы предпринимаются конкретные действия по созданию соответствующих образовательных программ. В этом вопросе особенно продвинулась Норвегия: после подобных запросов со стороны мусульман на факультете теологии Университета Осло был создан двухгодичный курс, программа которого включает такие предметы, как «Норвежская история и общество», «Права человека», «Духовное консультирование», «Различные религиозные интерпретации». Университет также работает над созданием программы высших исламских исследований, которая в сочетании с теологическим образованием в исламских университетах за рубежом создаст возможность получения официальной квалификации имамов.

Представители Швеции заявляют, что вопрос о высшем образовании для имамов ими не рассматривается, так как это означает вмешательство другого государства во внутренние дела мусульманских стран и выделение представителей исламской религии из других религиозных общин светского государства, каковым является Швеция[21].

---

[19] *Gadban H.* Liberal islam i skuggan av Sveriges politik. URL: http://fritanke.se/liberal-islam-i-skuggan-av-sveriges-politik/ (дата обращения: 23.12.2018).

[20] Деятельность организации запрещена на территории РФ.

[21] *Mårtensson U.* ‘Public Islam’ and the Nordic Welfare State: Changing Realities? URL: http://islamforskning.dk/files/journal/2014/FIFO-2014-1-del1.pdf (дата обращения: 02.12.2018).

Выводы

Сам факт роста интереса общества к проблематике «ислам и культура» является подтверждением гипотезы о параллельном росте фундаментализма и секулярных настроений внутри исламского сообщества указанного региона. Проведенные в данном исследовании case study показали, что радикальная несоизмеримость ислама с культурой как образом жизни большинства населения стран Северной Европы представляется особенно яркой с позиций абстрактного теоретизирования авторитетов, не включенных в контекст бытовых, правовых и собственно вероисповедных реалий мусульман, проживающих в регионе. При наличии несомненных нестыковок такого рода (касающихся, в частности, специфики исламского семейного права) со временем происходит постепенная адаптация мусульман к условиям принимающего общества, как и самого принимающего общества к особенностям образа жизни последователей ислама. Последнее особенно важно в свете перспектив прогнозируемого численного роста мусульман, проживающих в Европе, особенно — в Северной Европе.

Контент-анализ материалов, публикуемых рядом ведущих скандинавских печатных медиа, продемонстрировал наличие полярных тенденций в оценках и истолковании роли ислама в культурном пространстве каждой из стран Северной Европы. Вместе с тем ответ на центральный вопрос о судьбах проекта «культурный ислам» в качестве противоядия от радикализации и неконструктивной фундаменталистской политизации ислама в настоящее время остается открытым. С уверенностью можно говорить лишь о наличии тенденций, которые в среднесрочной временной перспективе (30 лет) предполагают возможность выделения заметной части (от четверти до половины) верующих в особую группу, связанную с вероисповедной практикой ислама лишь внешним образом. «Культурный ислам» в своем реальном проявлении подтверждает таким образом тезис об утрате в условиях инокультурного окружения тотального запроса на духовное измерение, сформулированный мыслителями классической арабской философии и представителями исламских центров. При этом часть иммигрантов из стран ареала распространения ислама может оказаться вне религии (последнее фиксируется в основном у взрослых, избегших репрессий на родине и укрывшихся в странах Северной Европы не столько по политическим или экономическим причинам, сколько в силу собственно религиозных проблем).

Однако при всех сомнениях в отношении жизнеспособности термина «культурный ислам» для сочетания слов «ислам» и «культура» в массмедиа, равно как и в самом социокультурном пространстве Северной Европы, открыты широкие возможности. Как минимум, это говорит о том, что общественные настроения задают вектор общественным ожиданиям, для которых ислам приемлем как культура/образ жизни, но неприемлем в качестве политической идеологии или радикального общественного движения. В этой связи можно говорить о перспективах расширения сотрудничества стран Балтийского региона со странами Скандинавии и Северной Европы, делающего упор на противодействие исламизму и развивающего многоплановые контакты с учетом специфики динамики трансформации религиозного фактора. Ислам поэтому в определенном смысле «обречен» на позиционирование себя в качестве феномена культуры, то есть «культурного ислама». Насколько такая интерпретация может помешать самоидентификации в качестве «ортодоксального» мусульманина и что может противопоставить «ортодоксальная» община лицам и группам, практикующим ценностные предпочтения и поведение в соответствии с форматом «культурного ислама», требует дальнейшего изучения в рамках междисциплинарных проектов.

Список литературы

1. *Larsson G.* Muslimerna kommer! Tankar om islamofobi. Makadam förlag, 2006.

2. *Дианина С. Ю.* Ценности ислама в освещении СМК Северной Европы: парадоксы межкультурного диалога // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 264–266.

3. *Roi O.* Secularism confronts Islam. N. Y., 2009.

4. *Соболев В. Г.* Мусульманские общины в государствах Европейского Союза: проблемы и перспективы. СПб., 2003.

5. *Старченков Г. И.* Рост исламской диаспоры в странах Запада. М., 2001.

6. *Барановскиий В. Г., Наумкин В. В.* «Мир веры» vs «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 8–31.

7. *Samuelsson J., Brattlund Å.* Kärlek och familjeliv enligt islam: fakta och värderingar kring islam. Stockholm, 1996.

8. *Ahlin U., Hörberg T.* Vår relation till den muslimska världen i EU: s grannskapsområde. Riksdagstryckeriet, Stockholm, 2006.

9. *Roald A.* Muslimer i nya samhällen, om individuella och kollektiva rättigheter. Göteborg, 2009.

10. *Abbasian S.* Integration på egen hand: en studie av invandrade kvinnoföretagare i Sverige. Uppsala, 2003.

11. *Хенкин С. М., Кудряшова И. В.* Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 137–155.

12. *Большова Н. Н.* «Пегида» как пример массовых протестных движений, возникших в Европе под влиянием миграционного кризиса // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 123–137.

13. *Молодикова И. Н., Емельянова Л. Л., Лялина А. В.* Взаимодействие с диаспорами и диаспоральными организациями как ключ к успешной политике интеграции мигрантов в ЕС // Балтиийскиий регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 58–79.

14. *Хаммиш Б.* Существует разница между культурным и политическим исламом. Интервью телеканалу France24 (арабский язык). URL: https://www.youtube.com/watch?v=VEWu5JRNzx4 (дата обращения: 24.12.2018).

15. *Milani M.* Cultural Muslims, like cultural Christians, are a silent majority // The Conversation. URL: https://theconversation.com/cultural-muslims-like-cultural-christians-are-a-silent-majority-32097 (дата обращения: 24.12.2018).

16. *Geographies* of Muslim Identities: Diaspora, Gender and Belonging / ed. by C. Aitchison, P. E. Hopkins, M.— P Kwan. Willston, 2007.

17. *Халиль М. А.* Социокультурные аспекты мусульмано-христианского взаимодействия (на примере деятельности средств массовой коммуникации и систем образования России и Египта): дис. … канд. филос. наук. М., 2016. 241 с.

18. *Post-Christianity* // LEXICO. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-christian (дата обращения: 22.12.2018).

19. *Dawkins R.* I'm a cultural Christian // BBC News. 10.12.2007. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/7136682.stm (дата обращения: 22.12.2018).

20. *Berry J. W.* Mobility and Acculturation // The Psychology of Global Mobility, International and Cultural Psychology / S. C. Carr (ed.) Springer Science+Business Media, LLC, 2010.

21. Силантьева М. В., Глаголев В. С., Тарасов Б. Н. Философия межкультурной коммуникации // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 2 (49). С. 64–76.

22. *Barvik G.* Innvandring og ntegriring — holdninge og erfaringer blant personer med innvandrerbakgrunn. URL: https://www.imdi.no/contentassets/27e886b3e1024d2e9876fece 3fa627cf/integreringsbarometeret-innvandrerutvalgene. pdf (дата обращения: 02.12.2018).

23. *Lægaard S.* Sekularisme er ikke ateisme. URL: https://www.religion.dk/ religionsanalysen/sekularisme-er-ikke-ateisme (дата обращения: 02.12.2018).

24. *Aziz A.* Pratar medier om muslimer eller islamister? — En genomgång av svenska medier 2017 // NYANS: MUSLIM. URL: https://www.nyansmuslim.se/ (дата обращения: 28.11.2018).

Об авторах

Светлана Юрьевна Дианина, кандидат философских наук, преподаватель кафедры стран Северной Европы и Балтии, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, Россия.

E-mail: dianina.svetlana@gmail.com

Мона Абдель Малик Халиль, кандидат философских наук, член Египетского совета по международным делам (МИД Египта), Египет.

E-mail: mona_khalil@mail.ru

Владимир Сергеевич Глаголев, доктор философских наук, профессор кафедры философии им А. Ф. Шишкина, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, Россия.

E-mail: silvari@mail.ru

CULTURAL ISLAM IN NORTHERN EUROPE

S. Y. Dianina [a]
M. A. Khalil [b]
V. S. Glagolev [a]

Received 31 December 2018
doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-8

[a] MGIMO University,
76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia

[b] Egyptian Council for Foreign Affairs,
2 Fakher Tower / Othman Towers, Cairo, 11728, Egypt.

In this study, we aim to analyse the position of cultural Islam in Northern European countries. To this end, we examine publications in major print media. Content analysis of relevant publications gives a detailed picture of narratives produced in mass consciousness as a reaction to the presence of Islam at the local and regional level and makes it possible to identify individual trends in the evaluation of such narratives in both scientific and popular analytical literature. The growing secularization of Islamic communities in Northern Europe and changes in the value-driven behavioural algorithms of believers lead both to the polarization of Islam and changes in attitudes to Islam from outside the religion. Studies into the factors affecting the dynamics of this phenomenon have both theoretical and practical significance since they help to evaluate the most promising forms of cooperation within regional collaborations and national programmes for international partnership. The forces promoting the cultural Islam project position it as an antidote for political and radical Islam. At the same time, the main factor preventing the legitimation of cultural Islam across immigrant Moslem groups (or, more precisely, communities, i.e. associations of people originating from countries where Muslims predominate) is the relevant isolatedness of those groups and their commitment to the Ummah. The novelty of research into how Islam and culture interact within those groups is closely associated with the goal of establishing whether cultural Islam is viable as a phenomenon of collective consciousness and whether it meets the following requirements: 1) satisfying the essential need for preserving the tradition and 2) ensuring flexible adaptation to a foreign cultural context. Our analysis of the data obtained has led us to conclude that

To cite this article: Dianina S. Yu., Khalil M. A., Glagolev V. S. 2019, Cultural islam in Northern Europe, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no.3, p. 142—160. doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-8

cultural Islam is gaining ground within immigrant communities and associations. This can be viewed as a practical contribution to studies into the dynamics and mechanisms of adaptation, acculturation, and, perhaps, integration of Muslims and corresponding social groups into the socio-cultural space of Northern European countries.

Keywords:
cultural Islam, political Islam, periodicals of Northern European countries, immigrant communities, mechanisms of acculturation

References

1. Larsson, G. 2006, *Muslimerna kommer! Tankar om islamofobi [Muslims come! Thoughts on Islamophobia],* Makadam förlag, 56 p. (In Swedish).

2. Dianina, S. U. 2014, Values of Islam in covering the mass-media of Northern Europe: the paradoxes of intercultural dialogue, *Cennosti islama v osveshchenii SMK Severnoj Evropy: paradoksy mezhkul'turnogo dialoga* [Herald MGIMO University], no. 2 (35), p. 264—266 (In Russ.).

3. Roi, O. 2009, *Secularism confronts Islam*, New York, Columbia University Press, 144 p.

4. Sobolev, V. G. 2003, *Musul'manskie obshchiny v gosudarstvah Evropejskogo Soyuza: problemy i perspektivy* [Muslim Communities in the European Union: Problems and Prospects], St. Petersburg, 149 p. (In Russ.).

5. Starchenkov, G. I. 2001, *Rost islamskoj diaspory v stranah Zapada* [The growth of the Islamic diaspora in Western countries], Moscow, 269 p. (In Russ.).

6. Baranovskii, V. G., Naumkin, V. V. 2018, "World of Faith" and "World of Unbelief": expansion and reduction of religiosity, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], no. 6, p. 8—31. Doi: https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.02 (In Russ.).

7. Samuelsson, J., Brattlund, Å. 1996, *Kärlek och familjeliv enligt islam: fakta och värderingar kring islam* [Love and family life according to Islam: facts and values about Islam], Stockholm, Natur och kultur, 146 p. (In Swedish).

8. Ahlin, U. Hörberg T. 2006, *Vår relation till den muslimska världen i EU: s grannskapsområde* [Our relationship with the Muslim world in the European neighborhood], Riksdagstryckeriet, Stockholm, 100 p. (In Swedish).

9. Roald, A. 2009, *Muslimer i nya samhällen, om individuella och kollektiva rättigheter* [Muslims in new societies, on individual and collective rights], Göteborg, Bokförlaget Daidalos AB, 241 p. (In Swedish).

10. Abbasian, S. 2003, *Integration på egen hand: en studie av invandrade kvinnoföretagare i Sverige* [Integration on its own: a study of immigrant women entrepreneurs in Sweden], Uppsala, Dept. of Social and Economic Geography Kulturgeografiska institutionen, 236 p. (In Swedish).

11. Henkin, S. M., Kudryashova, I. V. 2015, The integration of Europe's muslims in its political aspects, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], no 2. p. 137—155. Doi: https://doi.org/10.17976/jpps/2015.02.09 (In Russ.).

12. Bolshova, N. N. 2016, The rise of anti-islamic protests in Europe under the refugee crisis (case of "pegida" movement in germany), *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], no. 3, p. 123—137. Doi: https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.10 (In Russ.).

13. Molodikova, I. N., Lyalina, A. V., Emelyanova, L. L. 2018, Contacts with Diasporas and Diaspora Organisations as a Key to a Successful Migrant Integration Policy in the EU, Balt. Reg., Vol. 10, no. 3, p 58—79. Doi: https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-4.

14. Hammish, B. 2016, There is a difference between cultural and political Islam, *France 24*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=VEWu5JRNzx4 (accessed: 22.12.2018).

15. Milani, M. 2014, Cultural Muslims, like cultural Christians, are a silent majority, *The Conversation,* available at: https://theconversation.com/cultural-muslims-like-cultural-christians-are-a-silent-majority-32097 (accessed: 24.12.2018).

16. Aitchison, C., Hopkins, P.E., Kwan, M.— P. 2007, *Geographies of Muslim Identities: Diaspora, Gender and Belonging,* Routledge, p. 208.

17. Khalil, M.A. 2016, *Sociokul'turnye aspekty musul'mano-hristianskogo vzaimodejstviya (na primere deyatel'nosti sredstv massovoj kommunikacii i sistem obrazovaniya Rossii i Egipta)* [Socio-cultural aspects of Muslim-Christian interaction (the activities of the media and education systems of Russia and Egypt)], PhD Thes., Moscow, p. 241 (In Russ.).

18. "Post-Christianity" in Oxford Living Dictionaries, Oxford Living Dictionaries, 2018, available at: https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-christian (accessed: 22.12.2018).

19. Dawkins, R. 2007, I'm a cultural Christian, *BBC News*, 10.12.2007, available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/7136682.stm (accessed: 22.12.2018).

20. Berry, J. W. 2010, Mobility and Acculturation, *The Psychology of Global Mobility, International and Cultural Psychology,* Springer Science+Business Media, LLC, p. 193—210.

21. Silantieva, M.V., Glagolev, V.S., Tarasov, B.N., 2017. Philosophy of intercultural communication, *Mezhdunarodnye protsessy* [Mezhdunarodnye process], Vol. 15, no. 2 (49), p. 64—76 (In Russ.).

22. Barvik, G. 2014, *Innvandring og ntegriring— holdninge og erfaringer blant personer med innvandrerbakgrunn*, available at: https://www.imdi.no/contentassets/27e886b3e1024d2e9876fece3fa627cf/integreringsbarometeret-innvandrerutvalgene.pdf (accessed: 02.12.2018) (In Norwegian).

23. Lægaard, S., 2013, "Sekularisme er ikke ateisme", *Religion*, available at: https://www.religion.dk/religionsanalysen/sekularisme-er-ikke-ateisme (accessed: 02.12.2018) (In Danish).

24. Aziz, A., 2017, Pratar medier om muslimer eller islamister? — En genomgång av svenska medier 2017, *Nyanmuslim*, available at: https://www.nyansmuslim.se/ (accessed: 28.11.2018) (In Swedish).

The authors

Dr Svetlana Yu. Dianina, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), Russia.

E-mail: dianina.svetlana@gmail.com

Dr Mona Abdel Malik Khalil, Egyptian Council for Foreign Affairs, Egypt.

E-mail: mona_khalil@mail.ru

Prof. Vladimir S. Glagolev, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), Russia.

E-mail: silvari@mail.ru